

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

СОВРЕМЕННАЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
И КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ (II)*

4. Общекартвельская языковая модель в иллюстрированной интерпретации находит ближайшую структурно-типологическую параллель в общеиндоевропейской языковой системе. Деление фонемного инвентаря на подклассы собственно согласных, собственно гласных и сонантов характерно и для индоевропейской фонологической системы; при этом в обеих системах типологически идентичны составы класса сонантов и класса гласных в собственном смысле. Модели распределения слоговых и неслоговых аллофонов сонантических фонем в картвельском и индоевропейском¹ почти идентичны². Притом развитие слоговых сонантов в картвельских языках аналогично развитию их в индоевропейских диалектах, где общеиндоевропейские сонантические фонемы преобразованы в результат воказализации слоговых сонантов и возникновения на их месте гласных полного образования.

В подклассе согласных тройки общекартвельских смычных, противопоставляемых друг другу как звонкие — глухие (с аспирацией в качестве фонологически избыточного признака) — глюттализированные, могут быть типологически сопоставлены с трехчленной системой противопоставления смычных в индоевропейском по признаку звонкости — глухости — аспирации (со звонкостью в качестве фонологически иррелевантного признака аспирированных фонем).

Общекартвельская морфонологическая система с механизмом аблaut-ных чередований гласных обнаруживает разительное типологическое сходство с моделями чередований, реконструируемыми для общеиндоевропейского языка. Фонематическая структура морфем и система синтагматических отношений между ними в общеиндоевропейском (как она представлена в реконструкциях Э. Бейненста³) и общекартвельском могут быть описаны в одинак и тех же структурных терминах: основная каноническая форма корневой морфемы *CVC/S*- и суффиксально-*-VC/S*; противопоставление нормальной, нулевой ступени отгласовки и ступени растяжения; невозможность двух нормальных ступеней в основе (принцип моновокализма), обусловливающая чередования типа *CVSC-/CSVС-*, так называемый *Schwebeablaut*: и.е. **perk-/prek-/prfk-*; картв. **derk-/drek-/difik-*.

Такое разительное сходство (вплоть до совпадения) общекартвельских морфонологических моделей, восстановленных путем сравнительной и внут-

* Начала статьи см. в ВЯ, 1971, 2.

¹ О моделях распределения сонантов в индоевропейском см.: F. R. Edgerton, The Indo-European semi-vowels, «Language», 19, 2, 1943.

² К. Х. Шмидт в своей рецензии на «Систему согласных...» усматривает полную идентичность в схемах распределения картвельских и индоевропейских сонантических фонем, предлагая интерпретировать аллофон сонанта в позиции *C—V* как *-gS-* (см.: IF, 73, 3, 1968, стр. 396).

³ Э. Бейненст, Индоевропейское имевшее словообразование, М., 1965.

ренней реконструкции исторических картвельских языков, с соответствующими общеиндоевропейскими моделями, позволяет говорить о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме, на основании которого картвельский и индоевропейский могут быть отнесены к общему структурно-типологическому классу языков. Картвельско-индоевропейский структурный параллелизм не ограничивается сферой морфонологии. Исследования последних лет показали типологическую близость целого ряда морфологических и синтаксических структур в картвельском и индоевропейском⁴.

Структурно-типологическое сопоставление общекартвельского и общеиндоевропейского и выявление картвельско-индоевропейского морфонологического изоморфизма представляет в принципе новый вид типологии — типологию реконструированных языковых систем, которую можно назвать диахронической типологией. До самого последнего времени структурно-типологические штудии затрагивали в основном исторические языки, структурно-типологическое сравнение ограничивалось реально засвидетельствованными языками или языками, фиксированными в письменных памятниках. В таких типологиях единицами сравнения и классификации были исторические языки, и почти никакого внимания не уделялось типологической оценке теоретически реконструированных языковых систем. Однако для общей типологической теории диахроническая типология имеет первостепенное значение, поскольку она может дать существенную информацию об инвариантных структурных особенностях, характеризующих различные языковые системы независимо от времени и места их распространения. Теоретически реконструированные языковые модели должны стать объектом структурно-типологического сопоставления и оценки с целью выявления изоморфных и алломорфных отношений между ними. В этом отношении структурный изоморфизм, устанавливаемый между картвельскими и индоевропейскими морфонологическими моделями на языковом уровне, приобретает особый теоретический смысл⁵.

Помимо общетеоретической значимости для структурной типологии языков выявляемый структурный параллелизм между картвельским и индоевропейским имеет определенное значение для реконструкции предыстории этих языков и уяснения целого ряда вопросов картвельской и индоевропейской ареальной лингвистики.

Реконструируемый для общекартвельского языка механизм аблauta как системы морфонологических противопоставлений был, по всей вероятности, обусловлен в генезисе причинами фонологического порядка, действовавшими на разных этапах развития общекартвельского языка. Этапу раннюю ступень развития общекартвельской прайзыковой системы, шествовавшую эпохе возникновения в ней сонантических фонем и оформления механизма аблautных чередований, можно наметить с некоторым приближением путем внутренней реконструкции в пределах самой обще-

⁴ См.: G. D e e t e r s, *Die Stellung der Kartvelwesprachen unter den kaukasischen Sprachen*, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; A. Г. Ш а н и д з е, К вопросу о глагольной категории *версия* в древнегреческом, «IV Конференция по классической филологии. Но-ябрь», 1969 (Секция греческого и латинского языков). Тезисы докладов [Тбилисский ГУ], 1969, стр. 80 и сл.; K. H. S c h m i d t, *Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen*, RK, 43—44, 1963; е г о ж е, *Indogermanisches Medium und Sataviso im Georgischen*, RK, 48—49, 1965, стр. 129 и сл.; е г о ж е, *Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der indogermanischen und südkaukasischen Sprachen*, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 22, 1967; е г о ж е, *Zur Typologie in den Kartvelwesprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen*, сб. «Тбилисский университет Георгия Ахвледiani», Тбилиси, 1969.

⁵ См.: T. V. G a m k r e l i d z e, *Kartvelian and Indo-European: a typological comparison of reconstructed linguistic systems*, «To Honor Roman Jakobson», I, The Hague — Paris, 1967.

картвельской системы позднего периода и восстановления архаичных пражазыковых структур. Само собой разумеется, подобная «далняя» реконструкция общекартвельских структур архаичного периода носит характер сугубо гипотетического построения, представляющего один из возможных вариантов образования поздней общекартвельской языковой системы в эпоху перед членением ее на самостоятельные языковые единицы.

На этой архаичной ступени общекартвельского пражазыка можно предположить моновокалическую систему с монотонной слоговой структурой типа $C_1\varepsilon C_2\varepsilon C_3\varepsilon$ и фонологически релевантным динамическим ударением, вызвавшим на позднекартвельском уровне выпадение безударного гласного, сохранение подударного гласного в закрытом слоге и удлинение его в открытом.

В общекартвельских корневых и суффиксальных морфемах структуры CVC - и $-VC$ на месте простой согласной C могут быть представлены или лабиальный комплекс (Cw) или гармоничные комплексы согласных типа $[dy, zh, \varphi]$ ⁶. С точки зрения функциональной роли фонем в морфемных структурах лабиальных и гармоничных комплексов приравниваются к простым (единичным) согласным и сонантам. Такая структурно-дистрибутивная особенность отмеченных комплексов позволяет интерпретировать их исторически в качестве монофонематических единиц.

В частности, комплексы типа $C + w$ можно интерпретировать на пражазыковом уровне архаичного периода как лабиализованные фонемы, претерпевшие фонемное расщепление и превращение в бифонемный комплекс. Гармоничные комплексы согласных, которые на позднекартвельском уровне предстают как бифонемные сочетания, могут быть также возведены к единичным консонантным фонемам, характеризовавшимся, в противовес соответствующим простым согласным, фонологически релевантным признаком веляризации⁷.

Монофонематическая интерпретация общекартвельских лабиальных и гармоничных комплексов согласных восстанавливает для древнейшего пракартвельского состояния сложную консонантную систему с сериями лабиализованных и веляризованных согласных, которой противостояла вокалическая система с единственной вокалической фонемой $*\varepsilon$ и система фонологически релевантного динамического ударения. Эта фонологическая модель, гипотетически отражающая древнейшую пракартвельскую систему архаичного периода, находит ближайшую типологическую параллель в языках северо-западного Кавказа с их сложной системой консонантизма и максимально упрощенной системой гласных⁸.

Трансформация пракартвельской фонологической системы архаичного периода осуществлялась в основном в направлении упрощения консонантизма (в результате расщепления лабиализованных и веляризованных согласных), фонологизация вокалических аллофонов фонемы $*\varepsilon$ и образования особого класса сонантических фонем, что было связано с синкопой безударных гласных и возникновением механизма аблautных чередований.

В результате подобных структурных преобразований на позднем общекартвельском хронологическом уровне возникает морфонологическая система языка, которая имеет разительные структурно-типологические

⁶ О гармоничных комплексах согласных см.: Г. С. Ахвледiani, Основы общей фонетики, Тбилиси, 1949, стр. 107 и сл.; 301 и сл. (на груз. яз.).

⁷ «Система сонантов...», стр. 268 и сл.; см.: Г. И. Мачабриава и др., Общекартвельская консонантная система, Тбилиси, 1965, стр. 93 и сл. (на груз. яз.).

⁸ См.: W. S. Allen, Structure and system in Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological Society», Oxford, 1956, стр. 127 и сл.; A. H. Krieger, Phoneme and morpheme in Kabardian, «Gravenhage, 1960, стр. 104 и сл.

параллели с индоевропейскими морфонологическими моделями, постулируемыми для общепроиндоевропейского языка позднего периода⁹.

Чем было вызвано такое преобразование древнейших пракартвельских структур в сторону уподобления их индоевропейским структурам? Чем объяснить структурный изоморфизм картвельской и индоевропейской морфонологических систем, возникший на позднем общекартвельском уровне?

Одним из наиболее вероятных объяснений структурных преобразований, имевших место в пракартвельском, следует считать наличие в доисторическую эпоху картвельско-индоевропейских языковых контактов, продолжавшихся, по всей видимости, в течение длительного периода. Представляется, что эти языковые контакты и возникшая в результате языковая интерференция способствовали перестройке пракартвельских языковых структур архаичного периода и их уподоблению характерным для индоевропейского морфонологическим структурам¹⁰.

Предположение о существовании контактов между картвельским и индоевропейским, обусловивших морфонологический изоморфизм между этими системами, подкрепляется наличием в общекартвельском целого пласта заимствованной лексики, индоевропейское происхождение которой в высшей степени вероятно. К индоевропейским заимствованиям в общекартвельском можно отнести следующие лексические единицы, объединяемые в определенные подгруппы по семантическому признаку¹¹:

*eksw- «шесть»: и.-е. * (s)ekws «шесть»; *swid- «семь»: и.-е. *septw- «семь»; *wyl- «ярмо»: и.-е. *wugom- «ярмо»; *tka- «рог»: и.-е. *ker/*krā- «рог; голова»; *m̥herd-/*m̥k̥yd- «грудь»: и.-е. *kerd-/*k̥yd- «сердце»; *zisx- «кровь»: и.-е. *esHt- «кровь» (ср. хетт. es̥tar); *terp-/*trp- «греться»: и.-е. *ter- «теплый»; *seu/*šw- «рождат(ся)»: и.-е. *seu/*šw- «рождат»; *gen/*gn- «понимать; сознавать»: и.-е. *gen/*gnb- «знать, познавать»; *lag- «склать; лежать»: и.-е. *legh- «лежать»; *dew/*dw- «склать; ставить»: и.-е. *dhe-(*dheH-):dha- «склать; ставить»; *kus- «стонать», *kis-en-→*kunes-: и.-е. *k̥yes/*k̥is- «шататься; вздыхать»; *bod- «бредить»: и.-е. *bhred(h)-/*bhrod(h)- «бредить»; *d̥qa- «коза»: и.-е. *d̥igh- «коза»; *orop- «удод»: и.-е. *erop-/*orop- «удод»; *til- «вошь»: и.-е. *tin/*til- «вошь»; *d̥iga- «почва; земля»: и.-е. *d̥iegh- от «земля» (ср. хетт. tekam, тох. A. tkam) и др.

Положение о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме как результате картвельско-индоевропейских языковых контактов дает основание по-новому поставить целый ряд проблем индоевропейской ареальной лингвистики, связанных с древнейшим распределением индоевропейских диалектов. Можно предполагать, что носители карт-

⁹ Для архаичного периода гравиндоевропейского языка реконструируется монотонная слоговая структура типа CVCVCV, аналогичная пракартвельской; см.: C. H. V o g t s t r a g h, Thoughts about Indo-European vowel-gradation, NTS, XV, 1949; его же, Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms, «Word», 10, 2-3, 1954.

¹⁰ Г. В. Церетели при перечислении возможных причин возникновения картвельско-индоевропейского морфонологического изоморфизма, наряду с отождествлением отдаленного родства индоевропейского с общекартвельскими или независимым происхождением структурного сходства в обеих языковых системах, называет и «родство в пределах ареального единства в результате многосторонних контактов индоевропейских и картвельских языков» (см. его «О теории сонантов и аблата в картвельских языках», в кн. «Система сонантов...», стр. 045). См. также: G. D e e t e r g, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den Kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл. Г. Деттерус картвельский представляется в виде языка северо западокавказского типа, претерпевшего значительную трансформацию под влиянием индоевропейского субстрата.

¹¹ См.: H. V o g t, Arghémén et Caucasiq du Sud, NTS, IX, 1938, стр. 334 и сл.; Г. А. Климо, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964; ер. также: Г. А. Меликишвили, Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, ВДИ, 1965, 1, стр. 24 и сл.

вельского и индоевропейского языков занимали смежные территории в эпоху существования контактов между ними, примерно к концу III тысячелетия до н. э.¹².

Такая интерпретация структурных сходств между картвельским и индоевропейским позволяет отнести эти языковые системы к общей ареальной группе, к некоторому доисторическому союзу языков, находившихся друг к другу в аллогенетических отношениях, т. е. в отношениях приобретенного, вторичного родства¹³.

В свете выявляемых семиатических заимствований в общепроиндоевропейском (протоиндоевропейском)¹⁴ индоевропейские заимствования в общекартвельском и картвельско-индоевропейский морфонологический изоморфизм (сходство картвельских и индоевропейских морфонологических структур) приобретают особую значимость для определения общего ареала для подобных языковых контактов¹⁵ и для установления таким путем первоначальной территории распространения общепроиндоевропейского (протоиндоевропейского) языка¹⁶.

Весь этот круг проблем структурно-типологической и ареальной лингвистики, порождаемый прокартвельскими реконструкциями и устанавливаемым картвельско-индоевропейским морфонологическим изоморфизмом, объясняет тот возросший интерес, который проявляется в последнее время к картвельским языкам в структурно-типологическом и сравнительном индоевропейском языкознании¹⁷ и определяет ту оценку, которая дается в нем теории сонантов и аблauta в картвельских языках.

5. Резко отрицательную позицию в отношении теории сонантов и аблauta в картвельских языках и всей монографии в целом занял в самое

¹² Ср.: W. P. Lehmann, [преп. на кн.]: «Система сонантов...», *«Language»*, 44, 2, 1968, стр. 204 и сл. Ранее высказывались предположения относительно контактов между картвельским и индоевропейским в период переселения хетто-ливийцев в Малую Азию через Кавказ (см.: Т. В. Гамкrelidze, «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964, стр. 5 [«VII Международный конгресс археологических и этнографических наук»]; Г. И. Мачавария, К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях, там же, стр. 4 и сл.; ср. также: Th. V. Gamkrelidze, *Anatolian languages and the problem of Indo-European migration to Asia Minor. Studies in General and Oriental Linguistics presented to Shirō Hattori*, Tokyo, 1970, стр. 141).

¹³ Об аллогенетических отношениях между языками см.: Г. В. Церетели, *О языковом родстве и языковых союзах*, ВЯ, 1968, 3.

¹⁴ Ср. п.-е. *tauto- «близк.»: сем. *taugi- «близк.»; и.-е. *ghajd- «кощенок; коза»: сем. *gadis- «кощенок; коза»; и.-е. *agh(ū)na- «ягненок; овечка»: сем. *iglu- «ягненок; молодое животное»; и.-е. *aliu(t) «старый или сладкий напиток; пиво»: сем. *h-ili- «сладкий; сладкий напиток»; и.-е. *tehās- «мед; медовый напиток»: сем. *m-i-k- «ладкий»; и.-е. *dhvēr- «двор; дверь»: сем. *t-w- «город; огороженный двор»; и.-е. *kli- «запирать; ключ»: сем. *k-l- «запирать»; п.-е. *pdu- «судь; суд»: сем. *-n- «согуд»; и.-е. *peleku- «секира; топор»: сем. *p-i-k- «раскалывать; топор»; и.-е. *dap- «жертвоприношение»: сем. *d-ā-h- «приносить в жертву»; и.-е. *(a)ster- «звезда»: сем. *i-īr- «обожествленная звезда»; и.-е. *arjō- «господин»: сем. *h-r-r- «свободорождение» и др. (см.: В. М. Ильин-Сибиряч, Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты, сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, стр. 3—7).

¹⁵ Интересно в этом отношении предположение о заимствовании в общекартвельском семиатических числительных: *tvo || *otva «посемь» (ср. аккад. *alba*, араб. *alba* «четыре») и *as̥i(r) «сто», ср. аккад. *ekiru* (жен. р.), араб. *as̥r* «десять», *as̥is* «десятый» (см.: Г. А. Климонтов, Заимствованные числительные в общекартвельском?, «Этимология», 1965, № 1, 1967).

¹⁶ О новейших теориях по поводу «азиатской» прародинки индоевропейцев в связи с языковыми контактами между сино-табетским и индоевропейским см.: E. G. Puhvel, *Chinese and Indo-Europeans*, JRS, pt. 1—2, 1966.

¹⁷ См.: R. Anttila, *Proto-Indo-European Schwebelaubt*, Berkley — Los Angeles, 1969, стр. 177 и сл.; V. Pisani, [преп. на кн.]: «Система сонантов...», *Paidéia*, 22, 1967, стр. 414 и сл.; ср. W. P. Lehmann, указ. соч., стр. 404 и сл.

последнее время А. С. Чикобава¹⁸. А. С. Чикобава является, как известно, видным представителем кавказской лингвистики, во многом определившим современный облик и состояние одного из ее направлений, именуемого иберийско-кавказским языкоизнанием. Взгляды А. С. Чикобава на структуру и историю картвельских языков, высказываемые им при оценке определенных аспектов теории сонантов и аблauta, отражают тем самым принципиальную позицию определенного направления в кавказском языкоизнании, исходящего при сравнительном исследовании картвельских языков из концепции генетического родства всех групп кавказских языков.

Такое отрицательное отношение А. С. Чикобава к «Системе сонантов...» не является неожиданным и в принципе вполне закономерно, поскольку рецензируемая им работа отражает другое направление в кавказской лингвистике, возникшее в противовес основным положениям иберийско-кавказского языкоизнания и строящееся на базе классической компаративистики и достижений современной лингвистической науки. Однако такое отношение автора критической статьи к «Системе сонантов...» основывается, против всякого ожидания, не на всестороннем анализе и критической оценке основного содержания монографии, а на разборе одного частного аспекта теории сонантов и аблauta, относящегося к сфере языковой типологии. Обсуждение основных положений «Системы сонантов...», касающихся фундаментальных вопросов пракартвельских реконструкций и исторических взаимоотношений картвельских языков, откладывается для «специального кавказоведческого органа». Обстоятельные рецензии на «Систему сонантов...» таких специалистов по сравнительной грамматике, как Х. Форт, В. М. Иллич-Святых и Г. А. Климов, в которых детально разбираются именно эти основные положения рецензируемой монографии (ВЯ, 1966, 4, 6) А. С. Чикобава «перечеркивает» одной фразой: «в этих рецензиях основной вопрос остался вне поля зрения их авторов» («К вопросу об отношении...», стр. 50).

В чем же видит автор критической статьи основной вопрос разбираемой работы, ее основной вывод? А. С. Чикобава считает основным выводом работы выдвигаемый в заключительной главе монографии тезис о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме, на основании чего картвельский и индоевропейский отнесены к общему типологическому классу языков. А. С. Чикобава стремится опровергнуть именно этот тезис, показать его несостоятельность — этим он думает опровергнуть и основную часть монографии, где проводится детальный сравнительно-исторический анализ картвельских языков, даются их пражзыковые реконструкции и исследуются пути становления и исторического развития картвельских диалектов.

Автор критической статьи избрал, как нам кажется, методологически не вполне верный путь для опровержения выдвигаемых в монографии положений. Дело в том, что тезис о структурно-типологических связях между картвельским и индоевропейским находится в полной зависимости от характера картвельских пражзыковых реконструкций, проводимых в работе на основании сопоставления исторических картвельских языков. В соответствии с этим оценка тезиса о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме должна была зависеть от анализа предлагаемых пракартвельских реконструкций, основанного на обстоятельном разборе всего комплекса затрагиваемых в монографии проблем. В противном

¹⁸ А. С. Чикобава, К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским и северокавказским языкам, ВЯ, 1970, 2 (далее — «К вопросу об отношении...»).

случае рассуждения о неправомерности включения картвельского и индоевропейского в общий типологический класс теряют под собой почву¹⁹.

Касаясь устанавливаемого в «Системе сонантов...» картвельско-индоевропейского морфонологического изоморфизма, А. С. Чикобава пишет: «Выявленный изоморфизм, если даже считать его бесспорным, не дает оснований включать картвельские языки в один типологический класс с индоевропейскими языками: по ряду основных моментов между ними нет никакого изоморфизма, а, наоборот, выявляются коренные расхождения» («К вопросу об отношении...», стр. 52). В «Системе сонантов...», однако, виднеет не говорится, что картвельские языки можно включить в один типологический класс с индоевропейскими языками; дело касается отнесения к общему типологическому классу общей картвельской и общей индоевропейской языковых систем, а не происшедшего от них соответственно картвельских и индоевропейских языков, — последние, естественно, уже не проявляют тех структурно-типологических схождений, которые были характерны для их праязыковых состояний. Это принципиально различные вещи; в этом заключается существенная разница между истинным содержанием данного тезиса и его толкованием, содержащимся в статье А. С. Чикобава.

Далее. Разграничение хронологических уровней при анализе языковых структур является одним из основных методологических принципов, на которых строится теория сонантов и аблauta в картвельских языках, и пренебрежение этим положением может привести к ошибочному ее толкованию и неверным формулировкам. При перечислении структурных черт, которые приводятся А. С. Чикобава далее и «по которым картвельские языки коренным образом расходятся с индоевропейскими» («К вопросу об отношении...», стр. 52), не ясно, какой хронологический уровень картвельских и какой уровень индоевропейских языков имеется в виду. Без такой хронологической перспективы подобные сопоставления теряют свой смысл. Так, например, на праязыковом уровне некоторые из перечисленных А. С. Чикобава структурных особенностей сближаются, а не отделяют друг от друга картвельские и индоевропейские языки. Это касается в первую очередь тройной системы согласных²⁰ и эргативной конструкции предложения²¹ (пункты *e*, *f* и *h* в разборе А. С. Чикобава

¹⁹ Декларативный и общий характер имеют содержащиеся в статье заявления автора: «Морфология картвельских языков основана на принципе агглютинации: отдельная функция — отдельный формант»; «Возводить аблaut к обще картвельскому неправомерно»; «Из наличия сонантов [j, w] не вытекает необходимость поступать аналогично (паряду с *i*, *u*) слогообразующих [l, r, ɿ]: показания картвельских языков не в состоянии поддержать такое допущение» и т. д. в таком же стиле («К вопросу об отношении...», стр. 59—60), они же могут претендовать на анализ принципиальных положений разбираемой монографии; их следует скорее рассматривать как повторение старых взглядов А. С. Чикобава на структуру и историю картвельских языков, критический обзор которых подробно дан в «Системе сонантов...».

²⁰ О тройной системе рядов согласных в общем индоевропейском: арочные ~ глухие ~ (авонкие) придыхательные — см.: J. K. Iguryowicz, *Etudes Indo-européennes*, стр. 46 и сл., его же, *L'apophonie en indo-européen*, стр. 375 и сл.; W. F. Lehmann, *Proto-Indo-European phonology*, Austin, 1964, стр. 7 и сл.; см. также: Т. В. Гамкелидзе, *Передвижение согласных в хеттском (бескитском) языке*, «Переиздательский сборник», М., 1961, стр. 212 и сл., 254.

²¹ Об эргативной конструкции в праиндоевропейском см.: A. Vaillant, *L'ergativ Indo-européen*, BSLP, 37, fasc. 2 (№ 110), 1936; В. В. Иванов, *Эргативная конструкция в общем индоевропейском*, «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Тезисы докладов», Л., 1964; его же, *Общеминдоевропейская, пра-славянская и анатолийская языковые системы*, М., 1965, стр. 51 и сл. Примечательно, что эргативная конструкция, характерная для картвельских языков с их «самостоятельным эргативом», проявляется в аористной серии времен (в грузинском и сванском), находит ближайшую типологическую параллель в новонидийских языках, а не в северокавказских с их «сочижающим эргативом» (см.: W. S. Allén, *A study in the analysis of Hindi sentence-structure*, AL, VI, 2—3, Copenhagen, 1950—1951).

следовало бы объединить в один общий пункт, поскольку перечисленные в них структурные особенности представляют проявление одной и той же структурной закономерности). Что касается пункта в (агглютинативный принцип строения слова), то эта структурная особенность, характерная для некоторых исторических картвельских языков (лазского, отчасти мегрельского и в значительно меньшей степени для грузинского и особенно сванского), явилась результатом преобразования исходных общекартвельских структур, характеризовавшихся внутренней флексией (аблаутом), а не агглютинативным принципом строения, и сближающихся в этом отношении с общими индоевропейскими структурами.

Таким образом, структурные особенности, привлекаемые А. С. Чикобава для иллюстрации сходствений картвельских языков с северокавказскими, могли бы быть с таким же успехом использованы, при внесении определенной хронологической перспективы, для показа типологической близости картвельских и индоевропейских структур.

При разграничении хронологических уровней в развитии картвельских языков и при типологическом сопоставлении их с другими языковыми системами (т. е. картвельских структур на определенной хронологической плоскости, а не каких-то вневременных структурных особенностей картвельских языков вообще) возникает картина картвельской языковой системы, проявляющей типологические сходствия как с индоевропейскими, так и с северокавказскими структурами. При этом система общекартвельского языка периода перед членением его на самостоятельные языковые единицы, которая восстанавливается на основании сравнения и сопоставления исторических картвельских языков, проявляет большую типологическую близость к индоевропейским структурам, чем к каким-либо иным (в том числе и северокавказским), что выражается в идентичности таких существенных особенностей языковой структуры, как строение морфем и схема их синтагматических отношений, характер сонантических фонем и их дистрибутивные модели, морфонологические чередования гласных, а также целый ряд морфологических и синтаксических особенностей. Однако при ретроспективном движении в глубь общекартвельского языка и восстановлении путем внутренней реконструкции более ранних ступеней развития пракартвельского, когда, по всей вероятности, фонологическая система распадалась только на два класса фонем и отсутствовал оформившийся позднее механизм абраутических чередований гласных, возникает картина пракартвельской языковой системы, хотя и весьма гипотетическая, типологически близкая к структуре некоторых северокавказских языков. Этот момент не был оставлен нами без внимания в «Системе сонантов...» (стр. 373): «Общекартвельский языковой тип архаичного периода можно охарактеризовать следующими общими чертами: (1) чрезвычайно сложный консонантизм и крайне простой вокализм (моновокалическая система); (2) фонологически релевантное подвижное ударение динамического характера; (3) полногласие на месте поздней полислоговости; (4) преобладающая роль префиксации в формообразовании и словообразовании по сравнению с суффиксацией».

Полученная модель находит ближайшую типологическую параллель в горских иберийско-кавказских языках, в особенности в западнокавказской (абхазско-адыгской) группе...

Между тем А. С. Чикобава утверждает, будто бы в монографии «Система сонантов...» «о северокавказских языках, их структурно-типологических сходствах с картвельскими языками, вопрос не ставится» («К вопросу об отношении...», стр. 57).

Как видим, древнейшие языковые модели общекартвельского языка-основы, полученные путем внутренней реконструкции, проявляют явные

типовогические связи с северокавказскими, в особенности западнокавказскими языками»²³.

Не приимая во внимание изложенного выше, он приписывает авторам «Системы сонантов...» исключительное внимание к картвельско-индоевропейским структурно-типовогическим параллелям и полное игнорирование вопросов картвельско-северокавказских типологических схождений. Тем самым противопоставляются друг другу авторы коллективной монографии и создается впечатление, что один из них в дальнейшем полностью отошел от основных положений теории сонантов и аблauta в картвельских языках, «возвратившись к принципиальным установкам иберийско-кавказского языкоизания» («К вопросу об отношении...», стр. 60, примеч. 38).

Дело в том, что примерно через полгода после выхода в свет «Системы сонантов...» была опубликована статья Г. И. Мачаварии «К типологической характеристике общекартвельского языка-основы», в которой «делается попытка охарактеризовать в общих чертах фонологическую и грамматическую системы общекартвельского языка-основы и путем сопоставления этих систем с соответствующими системами индоевропейских и горских иберийско-кавказских (северокавказских) языков выявить структурно-типовогические параллели и различия между картвельскими языками и языками двух указанных групп»²⁴. Перечислив структурные особенности общекартвельского языка, по которым картвельские языки сближаются типологически с индоевропейскими и северокавказским языками типом, Г. И. Мачавария заключает: «Структурно-типовогические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, несомненно восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому пласту»; и далее: «Возникновение аблauta, по-видимому, явилось результатом фонологизации фонетически обусловленных альтераций гласных. В свою очередь выделение сонантов в качестве особого, промежуточного между гласными и согласными класса фонем было связано с возникновением чередования гласных: слоговые аллофоны сонантов могли появиться только на пульевом ступени огласовки морфем»²⁵.

Нетрудно видеть, что выводы статьи Г. И. Мачаварии полностью согласуются с основными положениями о структурно-типовогических особенностях общекартвельского языка-основы архаичного (восстановливаемого путем внутренней реконструкции) и позднего периода (перед членением его на самостоятельные языковые единицы), которые излагаются в «Системе сонантов...», и принципиально ничем от них не отличаются.

Иначе представляется положение вещей в статье А. С. Чикобава. Перефразируя это место статьи Г. И. Мачаварии: «Итак, аблaut вторичен: чередование гласных в картвельском языке поначалу представляло фонетический процесс; морфологизация — результат реинтерпретации фонетического процесса; сонанты же в свою очередь обусловлены наличием аблauta», А. С. Чикобава делает вывод, совершенно не соответствующий разбираемым высказываниям из статьи Г. И. Мачаварии: «Тем самым сказано, — пишет А. С. Чикобава, — что на уровне общекартвельского

²³ См. также стр. 470 русского текста книги «Система сонантов...»: «Такая фонологическая модель, отражающая древнейшую общекартвельскую систему, находит ближайшую типологическую параллель в языках северо-западного Кавказа с их сложной ковсоязантской системой и максимально упрощенной системой гласных».

²⁴ ВЯ, 1986, 1, стр. 3.

²⁵ Там же, стр. 9, примеч. 29.

языка-основы ни аблaut, ни сонанты не могли быть характерными» («К вопросу об отношении...», стр. 55—56). Вызывает недоумение, каким образом из известного положения о позднем характере в системе обще-картвельского языка-основы механизма аблautных чередований и сонантических фонем, возникших на сравнительно позднем пракартвельском хронологическом уровне перед членением языка-основы на самостоятельные языковые единицы, делается заключение о нехарактерности для общекартвельского языка-основы системы аблautа и сонантов, и затем это мнение приписывается Г. И. Мачавариани, у которого нет и не могло быть такого положения. Это опять-таки объясняется полным равнодушием некоторых представителей иберийско-кавказского языкоznания к вопросам релятивной хронологии и неразграничением хронологических уровней в развитии языка. Структурно-типологические схождения картвельского языка с северокавказскими ставятся в статье Г. И. Мачавариани, как, впрочем, и в «Системе сонантов...», не на первое место (а схождения с индоевропейскими соответственно — не на второе), как то представляется автору критической статьи («К вопросу об отношении...», стр. 60, примеч. 38), а считаются отражением архаичного состояния в развитии пракартвельского языка, предшествовавшего тому его состоянию, которое было характерно для общекартвельского языка-основы перед членением его на самостоятельные языковые единицы уже с типологическими чертами, сближающими его с индоевропейскими структурами. В данном случае не стоит вопрос о «еместе» или «рангах» структурно-типологических связей картвельского с другими языковыми системами (северокавказскими, индоевропейскими); вся проблема заключается в хронологической последовательности структур, проявляющих типологическую близость к различным языковым системам на разных этапах общекартвельского языка-основы, начиная с архаичного периода его развития вплоть до периода перед распадом и членением его на самостоятельные языковые единицы. Поэтому типологические схождения общекартвельского языка с северокавказскими структурами на этом архаичном языковом уровне (к тому же восстанавливаемом путем внутренней реконструкции в весьма общем и сугубо гипотетическом виде) не могут в принципе считаться более показательными для общей характеристики картвельского языкового типа, чем те структурные особенности, которые восстанавливаются для общекартвельского языка на куда более реальном уровне поздних пракартвельских реконструкций, проявляющих наибольшую типологическую близость именно к индоевропейским структурам.

Структурные особенности северокавказского типа, которые свойственны картвельскому, несмотря на свою архаичность, не могут служить основанием для утверждений о генетическом родстве картвельских языков с северокавказскими. А. С. Чикобава прав, полагая, что «для решения вопроса об исконном генетическом родстве картвельских языков с северокавказскими языками недостаточно структурно-типологических схождений (необходима материальная общность морфем — корневых и формальных...)» («К вопросу об отношении...», стр. 56), — хотя это положение часто игнорируется самими сторонниками концепции генетической общности иберийско-кавказских языков, — но трудно согласиться с утверждением, будто «такая общность прослеживается» (там же). Если бы между картвельскими и северокавказскими языками прослеживалась общность закономерного характера (т. е. не являющаяся результатом случайных совпадений или заимствования) в субстанции значимых элементов — корневых и аффиксальных морфем, — то она бы с необходимостью проявилась в наличии регулярных звуковых (фонем-

ных) соответствий между картвельскими и северокавказскими языками. Поскольку такого рода фонемные соответствия между отдельными группами кавказских языков не выявлены (между картвельскими, с одной стороны, и абхазско-адыгскими или нахско-дагестанскими, с другой), утверждения о существовании между ними «материальной общности морфем» носят во всяком случае преждевременный характер. Научная правомерность объединения картвельских и северокавказских языков в общую генетическую семью всегда будет оспариваться теми исследователями, которые, исходя из принципов современной диахронической лингвистики, считают генетическое родство между языками окончательно доказанным лишь в том случае, если между ними устанавливаются фонемные соответствия закономерного характера. По этому поводу Г. В. Церетели писал: «Пока эти регулярные соотношения не будут установлены, вопрос о генетических связях между картвельскими языками и горскими языками Кавказа останется скорее предметом веры, чем знания, и как бы велика ни была эта вера, положению о родстве она доказательной силы не прибавит»²⁴.

В подтверждение тезиса об иконном генетическом родстве всех групп кавказских языков А. С. Чикобава ссылается на то, что «большинство кавказоведов предполагает исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказских языков»²⁵. Но, как известно, вопросы этого порядка не решаются большинством голосов, тем более, что к этому «большинству» не относят себя такие исследователи-кавказоведы, как А. Г. Шанидзе, Г. С. Аквадиани, Г. Деетерс, Х. Фогт, Г. В. Церетели, К. Х. Шмидт, А. Куйперс, Г. А. Меликишвили, Г. А. Климов и др. Притом и предполагать родство вовсе не означает считать его окончательно установленным, что давало бы основание выделять особую семью родственных иберийско-кавказских языков. Семью родственных языков со специальным наименованием следует выделять лишь после доказательства, научного обоснования признанными методами лингвистического анализа родства рассматриваемых языков, их общего происхождения, а не на основе более или менее правдоподобных предположений о таком родстве.

Структурно-типологические черты общекартвельского языка, сближающие его с северокавказскими языковыми структурами, недостаточны в принципе для установления генетических отношений между картвельскими и северокавказскими языками, могут послужить основанием для объединения их по этому признаку в общий структурно-типологический класс²⁶. Но это вовсе не противоречит тезису о вхождении картвельского по ряду существенных структурных особенностей в общий типологический класс языков с индоевропейским. Структурная типология языков объединяет в особые структурно-типологические классы, в «союзы языков» такие языковые системы, которые проявляют целый ряд общих, сходных структурных черт. Языки, попавшие в определенный структурно-типологический класс по одному комплексу признаков, по другим структурным признакам могут быть отнесены к другому структурно-типологическому классу, к другому «союзу языков». Иными словами, структурно-типологическая классификация языков, в отличие от генеалогической классификации

²⁴ См.: Г. В. Церетели, *указ. соч.*, стр. 048—049.

²⁵ См.: «Народы СССР. IV — Иберийско-кавказские языки», М., 1967, стр. 7.

²⁶ Именно как структурно-типологическая, а не генетическая группа языков мы ссылаются иберийско-кавказские языки некоторыми исследователями, например: N. M. Holtzeg, *Ibero-Caucasian as a Linguistic type*, *«Studia Linguistica*», 1, 1, 1947.

кации, неоднозначна в отношении распределения языков по определенным структурно-типологическим группам²⁸.

Переходя к общей оценке теории сонантов и аблauta в картвельских языках, А. С. Чикобава пишет: «Монография „Система сонантов и аблaut в картвельских языках...“ представляет собою поисковую работу. Поиски в науке необходимы. Поиски бывают удачные и неудачные. В данном случае неудача обусловлена направлением, в котором велся поиск...» («К вопросу об отношении...», стр. 60). Вся беда, оказывается в том, что «решать существенные вопросы истории и структуры картвельских языков, игнорируя исследовательскую мысль на взаимоотношения с индоевропейскими языками (разрядка наша. — Т.Г.), игнорируя при этом взаимоотношения картвельских языков (исторические, структурные) с горскими и берийско-кавказскими языками, беспerspektивно» (там же).

К каким последствиям приводят исследования структуры и истории картвельских языков с учетом их взаимоотношений (т. е. отношений родства) с «горскими иберийско-кавказскими» языками, говорилось выше. Что же касается ориентации «исследовательской мысли на взаимоотношения с индоевропейскими языками» при «решении существенных вопросов истории и структуры картвельских языков», то такое впечатление у автора критической статьи могло сложиться, как нам кажется, в результате несколько своеобразного прочтения «Системы сонантов...», непропорционального распределения внимания между основным разделом монографии и заключительной ее частью, где трактуются вопросы картвельско-индоевропейской типологии.

Основной раздел монографии, выпавший, к сожалению, из поля зрения автора критической статьи, посвящен именно изложению существенных вопросов диахронической структуры картвельских языков и проведению пракартвельских реконструкций без всякой предварительной ориентации исследования на структуру индоевропейских или каких-либо иных языков. Показания других языков (как индоевропейских, так и кеиндоевропейских — северокавказских, семитических, тюркских) привлекаются нами лишь со структурно-типологической точки зрения, для типологической верификации предлагаемых языковых построений, т. е. для подтверждения возможности допущенных при диахроническом описании картвельских языков реконструкций и языковых преобразований. Другое дело, что реконструированные таким путем общекартвельские структуры оказываются поразительно схожими, почти идентичными структурами других языков, в данном случае — реконструированной системе индоевропейского языка, что дает основание относить их к общему структурно-типологическому классу языков. Устанавливаемый картвельско-индоевропейский морфонологический изоморфизм является следствием проведенного сравнительно-исторического анализа картвельских языков, а не его предпосылок.

Именно такое направление исследования структуры и истории картвельских языков, основанное на учете исключительно внутренних системных закономерностей самих исследуемых языков, безотносительно к их каким бы то ни было внешним связям (в том числе и к связям с северокавказскими языками), характеризуемое А. С. Чикобава как «беспerspektивное», приводит к обнаружению в картвельских языках фундаментально новых структур, позволяющих по-новому осветить целый ряд существенных вопросов истории картвельских языков и их отношений к другим язы-

²⁸ Ср.: J. N. Greenberg, Essays in linguistics, Chicago, 1957, стр. 66 и сл.

ковым системам. Именно в этом направлении мыслится нами дальнейшее развитие картвелистики и сравнительной кавказской лингвистики, ибо оно открывает широкие перспективы для науки²⁹.

Критическая статья А. С. Чикобава завершается экскурсом в историю изучения кавказских языков, в котором теория сонантов и аблauta в картвельских языках, характеризуемая как «открытие» в кавычках, сопоставляется с такими же «открытиями» в области кавказских языков Фр. Бопша и Н. Я. Марра³⁰.

«Открытие» Фр. Бопша, одного из основателей сравнительного языкоznания, автора первой сравнительной грамматики индоевропейских языков, заключается, по мнению А. С. Чикобава, в выдвинутом в свое время положении о родстве картвельских (иберийских) языков с индоевропейскими, относимых им в качестве кавказских членов к индоевропейской семье языков³¹. В дальнейшем, в эпоху бурного развития сравнительного индоевропейского языкоznания и усовершенствования методики сравнительно-генетического исследования языков, индоевропейско-картвельские сопоставления Фр. Бопша были признаны псевдовзврительными. Однако сама идея индоевропейско-картвельского родства Фр. Бопша и целый ряд его сопоставлений приобретают в настоящее время совершенно новый смысл в свете данных современной «иностратской гипотезы» о наличии отдаленного генетического родства между отдельными семьями языков (в том числе между индоевропейской и картвельской).

Другое «открытие» приписывается Н. Я. Марру, который выступил в 1908 г. с обоснованием родства семитических языков с картвельскими (яфетическими) языками. Начав с общности структурных особенностей картвельских и семитических языков, Н. Я. Марр пытался устанавливать и материальную общность формантов между этими языками, которые были включены на этом основании в и о е т и ч е с к у ю семью языков. Характерно то, что Н. Я. Марр, как справедливо замечает А. С. Чикобава, «создавал сравнительную грамматику семитических и яфетических языков, не имея сравнительной грамматики самих яфетических языков — грузинского, чавинского, мегрельского и сванского (последние три не были изучены даже в основных своих чертах)» («К вопросу об отношении...», стр. 61).

Новым этапом эволюции яфетической теории Н. Я. Марра явилось вовлечение в сферу исследований северокавказских языков и расширение круга яфетических языков абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками. «Яфетические языки» признаются уже отдельной семьей родственных языков, включавшей в себя картвельские и северокавказские языки. Семитические языки как отдельная семья языков противопоставляются семье родственных «яфетических языков». Отношение родства между этими семьями позднее заменяется в теории Н. Я. Марра отношением стадиальности: «яфетические языки» признаются более древними, чем языки семитические и индоевропейские.

²⁹ Г. В. Церетели, указ. соч., стр. 051. Выдающийся ворвежский исследователь-кавказовед Х. Фогт полагает, что теория сонантов и аблauta в картвельских языках «открыла новые перспективы в картвелистике, которые будут стимулом для дальнейших исследований» (ВЯ, 1966, 6, стр. 116).

³⁰ Такая характеристика «Системы сонантов...» содержит намек на приводимое в статье А. С. Чикобава высказывание акад. В. М. Жирмунского, который в докладе Научного совета по теории советского языкоznания за 1966 г. отмечал, что исследования о системе сонантов и аблauta в картвельских языках «усугублялись открытием крупного масштаба, имеющим важное значение как для лингвистической теории вообще, так и для истории других (в частности, индоевропейских) языков» (см.: В. М. Жирмунский, «О теории советского языкоznания», ИАН ОЛЯ, 1967, 1, стр. 19).

³¹ См.: F. R. Die kaukasischen Glieder des indo-europäischen Sprachstammes, Berlin, 1847.

Заметим, что пример эволюции яфетической теории Н. Я. Марра, приводимый А. С. Чикобава в качестве иллюстрации одного из «открытых» в кавказском языкоznании, может обернуться против отстаиваемой самим автором критической статьи иберийско-кавказской теории, теории генетического родства между собой всех трех групп кавказских языков. «Открытие» в яфетической теории Н. Я. Марра следует считать не только положение о родстве картвельских языков с семитическими, но и с тем же основанием — положение о родстве картвельских языков с северокавказскими, чем яфетическая теория перекликается именно с иберийско-кавказской теорией.

Легкость, с какою Н. Я. Марр от теории родства картвельских и семитических языков перешел к родству между всеми кавказскими языками, объединяемыми в семью «яфетических языков», весьма показательна и напоминает методы, которые применяются некоторыми современными исследователями при установлении «материальной общности» (идентичности) формантов между различными кавказскими языками (картвельскими и северокавказскими), объединяемыми ими в семью «иберийско-кавказских языков». Принципы, с помощью которых обосновывается такое родство, позволяют при желании значительно расширять круг «родственных» языков и включить в него не только кавказские, но и с таким же правом многие другие языки.

Не случайно, в частности, что «иберийско-кавказские языки» в некоторых теориях рассматривались как отдельная ветвь еще более широкой семьи «хеттско-иберийских языков», включавшей паряду с кавказскими языками все неиндоевропейские и несемитические языки Древней Передней Азии (шумерский, эламский, урартский, хурритский, протохеттский) и Средиземноморья («пеласгский», этрусский, баский). Такое объединение в единую семью всех этих в структурно-типовом отношении весьма разносистемных, не сводимых друг к другу языков осуществлялось без всякого предварительного сравнительного анализа их, без установления определенных соотношений между ними.

Критикам теории и методологии Н. Я. Марра следовало бы быть более осторожными при «распределении» языков по обширным генетическим группам и семьям.

Приводимые А. С. Чикобава предостерегающие примеры «открытый» в кавказском языкоznании в назидание сторонникам новшеств в картвеллогии говорят скорее против отстаиваемых самим автором критической статьи «принципиальных установок иберийско-кавказского языкоznания»³².

Придерживаясь стиля критической статьи А. С. Чикобава с экскурсами в историю, можно было бы сопоставить поэзию, занятую ее автором в отношении теории сонантов и аблauta в картвельских языках, с реакцией Г. Курциуса, крупного представителя старшего поколения сравнительного индоевропейского языкоznания, на обнаружение в индоевропейском языке К. Бругманом, одним из основателей младограмматического направления, слоговых сонантов *m* и *n*, паряду со слоговыми *l* и *r*³³. Обнаружение слогообразующих сонантов **γ*, **ŋ*, **m*, **n* и выявление их парал-

³² Между прочим, при критической оценке языковедческого наследия Н. Я. Марра зачастую перечеркивается и то поэтическое, что было сделано им в области изучения структуры и истории картвельских языков. Не следует забывать, по крайней мере представителям иберийско-кавказского языкоznания, что целый ряд «принципиальных установок» этого направления был выдвинут впервые именно Н. Я. Марром: о смешанном характере сванского языка, о делении картвельских языков на синтетическую и спаянную группы, о занеском полиглазии и др.

³³ См.: K. Brugmann, Nasalisch sonans in der indogermanischen Grundsprache, «Curtius Studien», IX, 2, 1878.

лелизма с сонантами/*w/ и /*j/ содействовало вскрытию сложного механизма аблautных чередований в индоевропейском и сыграло решающую роль в установлении системы индоевропейских гласных²⁴.

Однако это открытие К. Бругманна, определившее в дальнейшем весь ход развития сравнительного изучения индоевропейских языков, не было должным образом понято и оценено Г. Курциусом, занявшим резко отрицательную позицию в отношении теории К. Бругманна. Тем самым Г. Курциус, не взирая на все свои прежние заслуги перед сравнительным индоевропейским языкознанием, вошел в историю языкознания как исследователь, «который с достойным сожаления непониманием пытался противостоять прогрессу»²⁵.

²⁴ См. об этом: F. de Saussure, *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*, Leipzig, 1879.

²⁵ H. Pedersen, *The discovery of language. Linguistic science in the 19th century*, Bloomington, 1962, стр. 293.